

РУССКАЯ ЖИЗНЬ

Daily morning news except
Sunday, Monday, and Holidays
Second class postage paid at
San Francisco, Calif.

RUSSIAN LIFE

Entered as second class matter
Aug. 5, 1921 at the Post Office
at San Francisco, Calif. under
the Act of March 3, 1879.

THE LARGEST RUSSIAN NEWSPAPER IN THE WEST

2458 Sutter Street San Francisco, Calif., 94115. EDITOR: 921-5381. OFFICE: 921-5380.

КОНТОРА ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО С 9 час. УТРА ДО 5.15 час. ВЕЧЕРА, КРОМЕ СУББОТ И ВОСКРЕСЕНИЯ.

СРЕДА 19 АПРЕЛЯ 1972 г. № 7484

«РУССКАЯ ЖИЗНЬ»

8

ДОСТОЕВСКИЙ И ОПТИНА ПУСТЫНЬ

Гениальность Федора Михайловича Достоевского известна всему миру. Профессор Н. Бердяев ставит его наравне с Шекспиром, выше остальных представителей мировой литературы.

Мы здесь не намерены касаться его знаменитых романов, как «Преступление и Наказание» и др. Нас только интересует его лицо, обращенное к Оптиной Пустыни. Там он был один раз с В. С. Соловьевым после смерти младенца-сына. Он видел старца Амвросия два раза: один раз, стоя среди народа, другой раз, будучи принятым старцем в его келье. Виденное и слышанное им послужило в качестве внешнего материала при написании им романа «Братья Карамазовы». Мы попытаемся рассмотреть вопрос: могло ли знакомство Достоевского с оптинским старчеством в какой-то мере отразиться на создании им личности старца Зосимы в романе «Братья Карамазовы»?

Ученые литературоведы не считают Достоевского чисто-православным мыслителем, каким, например, были Киреевские и К. Н. Леонтьев. Проф. Бердяев пишет о нем: «Сам же он Достоевский в своей религии свободы духа выходит за пределы исторического православия и католичества, он обращен к грядущему. В его откровениях свободы есть что-то пророческое»¹⁾.

Проф. прот. В. Зеньковский в своей «Истории Русской Философии», следующим образом определяет мышление Достоевского: «Он, подобно Толстому, разделяет веру в основное и «естественное» добро человеческой природы, естественную возможность подлинного и всецелого «счастья», устрояемого естественными путями. Это есть полное, прямое и решительное отвержение учения о радикальном зле человеческой природы, говоря термином Канта, отвержение доктрины первородного греха и доктрины искупления и спасения во Христе. В отношении к духовным исканиям Достоевского, весь этот строй мысли следовало назвать «христианским натурализмом», возлагающим все надежды на то христианское озарение человека, которое вошло в мир через Боговоплощение и нашло свое высшее выражение в Преображении Спасителя. Это есть христианство Вифлеема и Фавора.

Конечно, это — своеобразное христианское отраженное сочетание руссоизма и шиллеризма, это — вера в «естество» и признание природной, хотя бы скрытой «святости» человеческой души, или, как выражается Достоевский в статье, посвященной Жорж Занд, признание «совершенства души человеческой». («Дневник Писателя»). Достоевский всю жизнь не сходил от этого «христианского натурализма» человеческой природы, это один из двух центров его духовного мира»²⁾.

Таким ярким представителем «христианского натурализма» является в романе «Братья Карамазовы» старец Зосима, который во мгновение ока преобразуется из грешника в праведника и становится сразу «старцем и наставником, минуя аскезу.

Эта внезапная метаморфоза приводит в восторг профессора Зандера. Проф. Зандер в своей книге, переведенной на французский язык, которой мы пользуемся, пишет следующее: «Это блаженство, которое достигается так легко, этот переход внезапный от мрачных удолий греха к радостному свету райского благословения, все это не соответствует подвигу, каким он должен быть согласно свидетельства самых великих святых: острый подвиг требует духовного напряжения, которое никогда не ослабляется, даже до смерти. И несомненно при отсутствии этих знаков, оптинские старцы выказали иронию и подозрительность по отношению о. Зосимы, не видя наличия в его жизни «невидимой брани, которая составляет сущность монашеского делания»³⁾.

Здесь одним взмахом пера отменяется внутренняя борьба со своими врожденными греховными задатками на пути стяжания Духа Святого, требующего для Своего вселения полной чистоты человеческой души.

Мнение проф. Мочульского, написавшего о Достоевском объемистый труд не расходится нисколько с подходом Зандера. Он пишет: «Старец Зосима не портрет Тихона Задонского. Писатель свободно перерабатывает житийный материал и создает новый тип святости, отличный от «религии сердца» XVIII века и от старчества Оптиной Пустыни. Зосима не представитель русского исторического монашества, он обращен к будущему, как предвозвестник нового духовного сознания русского народа... Старец живет в свете грядущего воскресения, верит, что все творение свободно вернется к Творцу и Бог будет «всяческая во всех». Вера его чужда догматизма. Его учение о человеке преобладает над учением о Боге. Он говорит мало о Церкви и ничего о мистическом сердце ее — Евхаристии»⁴⁾.

Тут ученый исследователь решительно указывает, что образ о. Зосимы не связан ничем с вековой церковной традицией и представляет собою плод оригинального творчества Достоевского.

Ему вторит другой специалист по изучению творчества Достоевского — профессор Н. Бердяев. Он пишет: «Старец Оптиной Пустыни не может, вероятно, сказать: „Братья! не бойтесь греха людей, любите человека и во грехе его, ибо сие есть уже подобие Божеской любви и есть верх любви на земле, любите все создание Божие и целое и каждую песчинку, каждый листок, каждый луч Божий любите, любите животных, любите растения, любите каждую вещь, и тайну Божию постигнешь в вещах. Люби повергаться на землю и лобызать ее. Землю целуй и неустанно, ненасытно люби, ищи восторга и исступления сего. Омочи землю слезами радости твоея и любви сии слезы твоя. Исступления же сего не стыдись, дорожи им, ибо сие есть дар Божий великий, да и не многим дается, а избранным». Старцу Амвросию была совершенно чужда эта экзатичность. Не было у него этой обращенности к Земле и новому принятию природы»⁵⁾.

Из вышесказанного вытекает, что Мочульский отрицает сходство старца Зосимы с преп. Тихоном Задонским, а Бердяев

³⁾ L. A. Zander. Dostojevsky. Le probleme du mal. 1946. Geneve. pp 179.

⁴⁾ К. Мочульский. Достоевский. Жизнь и творчество. Изд. прессы. Париж 561 стр.

⁵⁾ Н. Бердяев «Мирозерцание Достоевского». Изд. прессы. Париж. 1968. стр. 214.

ев с о. Амвросием Оптинским. Но в «Вестнике Русского Христианского Движения» (в №99 1971 г. Ф. И. Уделов полагает, что Достоевский вдохновился образом Оптинского старца Льва, когда писал о старце Зосиме. Житие старца Льва хранилось в личной библиотеке автора. Но такое предположение несомненно было бы отвергнуто вышеназванными учеными литературоведами, ибо о. Зосима является представителем «христианского натурализма», тогда как о. Лев был типичным подвижником на подобие древних византийских аскетов.

Больной, немощный старец Лев, вопреки грозному прецеденту со стороны епархиального начальства, не признававшего старческого служения, рискуя жестоким заточением за непослушание, продолжал принимать всех страждущих. Будучи чудотворцем и целителем душ и телес, о. Лев «полагал душу свою за други своя» (Иоанн. 15, 13). Спасло его только вмешательство еп. Игнатия Брянчанинова, обратившегося к всеильному заступничеству митрополита Филарета Московского, который, совмещая со церковным служением подвижничество, был сам подобен о. Льву.

Апостол Павел, независимо от иерархии, перечисляет три служения в Церкви: апостольское, пророческое и учительское. Еф. IV. 11.

Благодатное старческое служение — это «пророческое служение — особый благодатный дар, дар Духа Святого (харизма). Пророк обладает особым духовным зрением — прозорливостью. Для него как бы раздвигаются границы пространства и времени, своим духовным взором он видит не только совершающиеся события, но и грядущие, видит их духовный смысл, видит душу человека, его прошлое и будущее.

Такое высокое призвание не может не быть сопряжено с высоким нравственным уровнем, с чистотой сердца, с личной святостью»⁶⁾.

Оно также не может быть естественно свойственно всякому и каждому человеку при его рождении в мир. Достижение этого высокого дара требует непрерывной работы над собою.

При отрицании Достоевским и Толстым первородного греха и необходимости прохождения аскетического подвига, их герои — о. Зосима и о. Сергей могли бы только претендовать на третье служение — учительское... Здесь старческое пророческое отпадает.

Но любовь их к ближним, как она бы ни была пламенная и великая, — это не та небесная, высокая евангельская любовь, отрешенная от всего земного, какой обладали преп. Сергей и Серафим Саровский. У них же господствует только гуманитарное, человеческое. Нет ничего бесстрастного, мистического...

Итак, если Достоевский и брал отдельные черты из жизни старцев, или святых, спасавшихся по «Добротолубию» — однако, созданный им образ старца Зосимы не заимствован им из того же источника. Этот образ является созданием его оригинального творчества и ничего не имеет общего в своем построении с оптинскими старцами, спасавшимися согласно древне-византийской традиции.

⁶⁾ И. М. Концевич. Старец Иеросхимонах Нектарий. Джорданвилль 1953. «Прав. Путь».

¹⁾ Н. Бердяев. «Мирозерцание Достоевского» Изд. прессы. Париж 1963., стр. 78.

²⁾ Прот. В. В. Зеньковский. Ист. Русской Философии. Т. 1 416 стр.